

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902.63

Л.С. Марсадолов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

САЛЫКСКИЙ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТАП В ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ХАКАСИИ*

За 300-летний период научного изучения археологических памятников Южной Сибири несколькими поколениями ученых пройден сложный путь – от раскопок объектов, первичной классификации объектов по материалу, выделения археологических культур до применения независимых от археологии методов датирования памятников. Первый курган в Сибири, ныне относимый к тагарской культуре, был раскопан с научной целью в январе 1722 г. по инициативе Д.Г. Мессершмидта. Неоднократно ученые возвращались к проблемам систематизации археологических материалов на новом уровне обобщений.

За последние 40 лет даты археологических памятников Хакасии были уточнены разными методами – археологическим, радиоуглеродным и дендрохронологическим. Огромный пласт больших курганов в окрестностях Салбыка свидетельствует о сильной группировке и концентрации тагарских племен именно в этом районе. Салбыкский период в Хакасии продолжался с VIII по VI в. до н.э., но традиции этой культуры уходят и в более поздние исторические периоды.

Ключевые слова: Хакасия, хронология, тагарская культура, радиоуглерод, дендрохронология, курган, элита, рядовые погребения.

DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-01

Краткая история датирования тагарских памятников

На долгом пути научного определения дат археологических объектов Южной Сибири и памятников тагарской культуры были пройдены три основных этапа.

1. Классификация и периодизация объектов по материалу – XVIII–XIX вв.

Как известно, еще в VIII–VII вв. до н.э. древнегреческий поэт Гесиод выделил в истории человечества пять веков: «золотой, серебряный, медный, героический и железный», а римский философ Тит Лукреций Кар в 1-й половине I в. до н.э. в поэме «О природе вещей» разделил древнюю историю на три больших периода в зависимости от материала, используемого человеком для изготовления орудий: «каменный век, медный и железный». Эти идеи нашли дальнейшее развитие в эпохи Возрождения и Просвещения.

Изучая памятники Сибири, Г.Ф. Миллер в середине XVIII в. обратил внимание, что «...вместо золотых и серебряных украшений и сосудов, кои находят в других могилах, здесь все состояло из красной меди, как то: медные ножи, кинжалы, стрелы и все то, к чему, впрочем, железо гораздо удобнее. Итак, народ, похоронивший там своих покойников, может быть, еще не знал употребления железа. Следовательно, эти могилы старше прочих» [Миллер, 1937, с. 522].

В 1-й половине XIX в. датские ученые К. Томсен и Е. Ворсо ввели так называемую «систему трех веков» – каменного, бронзового и железного – как особых ступеней в развитии культуры [Бочкарев, 2010].

* Исследование выполнено при поддержке грантов Благотворительного фонда В. Потанина (проекты ИГЭ-01/10 и ИГЭ-14/14).

С 1840 до 1910-х гг. тагарские курганы раскапывали М.А. Кастрен, В.В. Радлов, Д.А. Клеменц, И.П. Кузнецов-Красноярский, А.В. Адрианов, И.Т. Савенков и другие краеведы-исследователи.

На основании предшествующих исследований и на материалах своих раскопок многочисленных курганов Алтая, Казахстана, Минусинской котловины и других районов Южной Сибири В.В. Радлов в 1880-е гг. разделил памятники на четыре «культурные эпохи»: 1) медный или бронзовый период;

2) древнейший железный период;

3) новый железный период;

4) позднейший железный период [Радлов, 1896].

Эта периодизация В.В. Радлова оказала большое влияние на дальнейшее развитие сибирской археологии [Марсадолов, 1996; Тишкин, 2007].

Классификация и периодизация по материалу, замечательные по уровню обобщения и простоте, были весьма прогрессивны для XVIII–XIX вв., но, вероятно, они в основном применимы для выделения крупных периодов в ранней истории развития человечества.

2. Периодизации по культурам (стадиям или этапам) и первые абсолютные даты – 20–60-е гг. XX в.

В конце XIX – начале XX в. европейские археологи стали выделять «археологические культуры» (О. Монтелиус, П. Рейнике, Ж. Дешелетт, В. Городцов, А. Спицын и др.) [Клейн, 2014].

В 1920–1950-е гг. тагарские курганы раскапывали и изучали С.А. Теплоухов, С.И. Руденко, М.П. Грязнов, Г.П. Сосновский, С.В. Киселев, Л.А. Евтюхова, В.Г. Карцев, М.А. Дэвлет, С.В. Зотова, Ю.С. Гришин и другие археологи [Членова, 1967; Вадеецкая, 1986; и др.].

С.А. Теплоухов в 1920-е гг. использовал новый методический подход – выбрал и раскопал ряд объектов разных хронологических периодов в одном микрорайоне у пос. Батени. Он создал «классификацию древних металлических культур Минусинского края» и выделил 14 хронологических групп археологических памятников, среди которых была минусинская курганная культура с четырьмя этапами [Теплоухов, 1929].

В 1928 г. С.В. Киселев предложил новое название для этой культуры – «тагарская», по месту основных раскопок курганов А.В. Адриановым на острове Тагарском на Енисее. Позднее, в 1949 г., в обобщающей монографии «Древняя история Южной Сибири» он уточнил даты трех стадий тагарской эпохи:

– I стадия (VII–V вв. до н.э.);

– II стадия (V–III вв. до н.э.), синхронная майэмирской культуре на Алтае;

– III переходная стадия (II–I вв. до н.э.) [Киселев, 1951].

В 1950–1960-е гг. М.П. Грязнов разработал более детальную классификацию памятников тагарской культуры, подразделив их на четыре этапа и дав им названия по памятникам, выделенным С.А. Теплоуховым:

1) баиновский (VII в. до н.э.);

2) подгорновский (VI–V вв. до н.э.);

3) сарагашенский (IV–III вв. до н.э.);

4) тесинский (II–I вв. до н.э.) [Грязнов, 1968].

В 1920–1970-е гг. были заложены основы современной периодизации и хронологии археологических культур Евразии и памятников древней Хакасии. Периодизация

по культурам, стадиям или этапам с относительными и абсолютными датами более удобна для детальной систематизации обширных археологических материалов.

3. Уточнение датировок памятников – 1970–2000-е гг.

В 1960–2000-е гг. памятники тагарской культуры изучали М.П. Грязнов, А.Н. Липский, Г.А. Максименков, А.И. Мартынов, Н.Л. Членова, Э.Б. Вадецкая, М.А. Дзвлет, Л.Р. Кызласов, А.Д. Грач, Я.А. Шер, М.Н. Пшеницына, М.П. Завитухина, Д.Г. Савинов, Б.Н. Пяткин, В.В. Бобров, Я.И. Сунчугашев, И.Л. Кызласов, Н.В. Леонтьев, Э.А. Севастьянова, О.Л. Пламеневская, В.М. Старушенко, Р.В. Николаев, Г.Н. Курочкин, Н.А. Боковенко, М.Л. Подольский, А.С. Поляков, Н.Ю. Кузьмин, Е.Д. Паульс, С.Б. Гультов, В.Н. Седых, Л.С. Марсадолов, В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Ю.С. Худяков, Ю.А. Смирнов, А.В. Субботин, С.В. Красниенко, Е.Л. Кириллов, С.В. Александров, Ю.В. Тетерин, И.П. Лазаретов, Н.Н. Николаев, А.А. Ковалев, С.В. Хаврин, А.И. Готлиб, Г. Парцингер, А. Наглер, С.В. Морозов, О.С. Советова, Е.А. Миклашевич и многие другие археологи. Объем археологических источников по тагарской культуре к началу XXI в. – один из самых больших в Евразии: раскопано свыше 1 тыс. курганов, более 10 тыс. погребений, десятки поселений, сотни петроглифов, а в музеях хранится более 6 тыс. случайных находок [Вадецкая, 1986; Савинов, 2009; Субботин, 2001; Советова, 2005; и др.].

В связи с раскопками в 1971–1974 гг. огромного кургана Аржан-1 в Туве неоднократно ставился вопрос об удревнении дат памятников баиновского и подгорновского этапов тагарской культуры до VIII в. до н.э. (работы М.П. Грязнова, Г.Н. Курочкина, Н.А. Боковенко, Л.С. Марсадолова, Д.Г. Савинова, А.В. Субботина, И.П. Лазаретова, К.В. Чугунова и др.), хотя ряд археологов придерживались прежних дат (Н.Л. Членова, Э.Б. Вадецкая и др.).

В работе 1980 г. М.П. Грязнов [1980, с. 4], учитывая материалы из кургана Аржан-1 в Туве и новых тагарских памятников, удревнил дату баиновского этапа до VIII в. до н.э. и выделил еще три дополнительных переходных этапа:

- 1) черновский – около VII в. до н.э.;
- 2) биджинский – около V в. до н.э.;
- 3) лепешкинский – около III в. до н.э.

Итоги изучения культур эпохи бронзы, тагарской и таштыкской подведены в монографии Э.Б. Вадецкой [1986], которая даты тагарских памятников оставила в соответствии с этапами М.П. Грязнова, выделенными в 1960-е гг.

А.И. Мартынов [1979] в 1970-е гг. систематизировал материалы из лесостепного района тагарской культуры и выделил ряд хронологических этапов:

- большепичугинский (VI–V вв. до н.э.);
- тисульский (V–IV вв. до н.э.);
- назаровский (III вв. до н.э.);
- шестаковский послетагарского времени (II–I вв. до н.э.).

А.В. Субботин [2001] статистически обобщил материалы из могильников и выделил *ранний* (конец VIII – VI в. до н.э.), *развитый* (V–III вв. до н.э.) и *поздний* (конец II – I в. до н.э.) этапы в развитии тагарской культуры.

Большую работу по систематизации археологических памятников и культур Сибири и Центральной Азии (от афанасьевских до позднесредневековых) выполнил Д.Г. Савинов. В своих статьях и монографиях он попытался синхронизировать археологические культуры с данными письменных источников [Савинов, 2002, 2009, 2012 и др.].

Начиная с 1960-х гг. в Южной Сибири все активнее стали использовать радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование объектов от афанасьевской до средневековых культур (работы С.В. Бутомо, С.И. Руденко, И.М. Замоторина, М.П. Грязнова, Л.С. Марсадолова, Ю.Н. Маркова, Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, Л.А. Орловой, В.И. Молодина, Л.М. Лебедевой, С.С. Васильева, А.А. Семенцова, В.И. Дергачева, И. Плихта, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, И.П. Лазаретова, А.А. Тишкина, А.А. Ковалева, А.В. Полякова, С.В. Святко и др.) [Ермолова, Марков, 1983; Марсадолов, 1985, 1997б, 2000, 2012; Евразия..., 2005; Тишкин, 2007; Поляков, Святко, 2009; и др.].

На основе новых радиоуглеродных определений, наблюдений над особенностями погребального обряда и синхронизации с памятниками Тувы (Аржан-1 и 2) Н.А. Боковенко [2011, с. 312] предложил новые даты для трех этапов тагарской культуры:

- баиновский – конец X – IX в. до н.э.;
- подгорновский – VIII–VII вв. до н.э.;
- сарагашенский – VII–III вв. до н.э.;
- тесинский – II в. до н.э. – I в. н.э.

В целом за последние 40 лет произошло удревнение датировок археологических культур Хакасии, уточнены даты ряда объектов, детально изучены наскальные изображения разных эпох. Но археологи-«классики» оставили в «наследство» другим археологам свои труднопреодолимые и на современном этапе дискуссионные хронологические разногласия в 100–200 и более лет, особенно для ранних объектов тагарской культуры.

Новые датировки ранних тагарских памятников

На современном этапе научного изучения археологи все чаще начинают путаться в отнесении конкретных тагарских памятников VIII–IV вв. до н.э. и особенно отдельных ранних курганов к баиновскому или черновскому, или подгорновскому, биджинскому или сарагашенскому этапам. Появились даже «новые перекрестные даты» старых хронологических этапов, например: подгорновский – VIII–VI вв. до н.э., а сарагашенский – VII–III вв. до н.э. и т.п.

Огромный массив археологических источников предполагает уточнение датировок раскопанных памятников и объектов, новые более детальные современные подходы к их хронологии.

Радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование. В последние годы некоторые археологи отдали предпочтение в решении хронологических вопросов радиоуглеродному методу и приводят в своих работах иногда только радиоуглеродные датировки. Большое доверие археологов к естественно-научным методам сделало их отчасти «заложниками» радиоуглеродного датирования образцов, хотя у радиоуглеродных определений есть много своих «подводных камней» (см.: [Клейн, 2014, с. 276–308]). Если ранее радиоуглеродные даты (с 1-й или 2-й сигмами) имели один более или менее «широкий» временной интервал, то ныне радиоуглеродчики выдают археологам радиоуглеродные определения с 4–8 и более «доверительными» интервалами по 100–300 лет, охватывающие период в 300–500 лет, из которого археологи иногда выбирают даты, наиболее подходящие их научным взглядам, хотя ныне археологическими методами можно датировать объекты значительно точнее, затратив на это небольшое количество времени.

Древесина из Большого Салбыкского кургана (далее – БСК) сохранилось достаточно хорошо, хотя курган был ограблен еще в древности. Один образец в середине 1970-х гг. был передан на радиоуглеродное определение М.П. Грязновым, Ю.Н. Марковым и Н.М. Ермоловой (табл. 1, №1) [Ермолова, Марков, 1983]. Еще два образца были взяты от бревна, найденного в 1992 г. экспедицией Л.С. Марсадолова (табл. 1, №2–3). Внешние слои бревен не всегда хорошо сохраняются и не прослеживаются достаточно четко на взятых образцах. Поэтому на радиоуглеродное датирование в ИИМК РАН автором были отданы образцы не только последних годовичных колец (№3), но и из средней части бревна (№2).

Все полученные радиоуглеродные даты для БСК хорошо коррелируют друг с другом. Как известно, радиоуглеродные определения отражают не только дату сооружения кургана, но и возрастные периоды дерева и сложную физико-математическую обработку взятых образцов.

Согласно вышеуказанным радиоуглеродным определениям интервалы калиброванного календарного возраста для БСК выпадают на две основные радиоуглеродные даты – VII в. (764–622 гг.) или V в. (452–414 гг.) до н.э. Так как большинство археологов этот курган относили к сарагашенскому времени, нами ранее также была выбрана поздняя радиоуглеродная дата – V в. до н.э. (табл. 3). Ранняя радиоуглеродная дата (2-я половина VIII – 1-я половина VII в. до н.э.) может рассматриваться как один из вероятных временных радиоуглеродных интервалов (табл. 1).

Таблица 1

Радиоуглеродные даты для памятников по археологическим аналогиям, близким к Большому Салбыкскому кургану (БСК)

№ п/п	Лаборат. № (ИИМК РАН)	¹⁴ C дата (лет тому назад) [BP]	Интервалы калиброванно- го календарного возраста (лет до н.э.) [cal. BC]		Археологическая дата сооружения объекта, века до н.э. (автор, год)
			1d	2d	
Большой Салбыкский курган (раскопан экспедицией С.В. Киселева в 1954–1956 гг.)					
1	Ле-1192	2410±60	754–698 532–398	764–622 602–388	Ранее – <i>разные даты</i> (см. табл. 3)
2	Ле-4771 (из средней части бревна)	2490±40	764–752; 730–710 708–618 606–528	778–478 452–414	Комплексная: 1-я пол. VII в. до н.э. (по: [Марсадолов Л.С., 2014]; см. рис. 1.-43)
3	Ле-5145 (последние г.к.)	2460±40	760–680; 656–638 548–476 456–414	764–622 602–408	
Памятники, близкие по времени к БСК (Кобяк, Тигей, Сарагаш, Медведка, Аржан-2)					
Кобяк, курган №5, могила 1 (раскопки Н.А. Боковенко и Ю.А. Смирнова в 1992 г.)					
4	Ле-5134b (18 г.к. из центра)	2840±30	1040–920	1130–900	C-14: кон. X – кон. IX в. Арх.: VI в.
5	Ле-5134a (20 г.к. из серед.)	2790±35	1000–895	1010–830	Итог – кон. IX – нач. VIII в. (по Н.А. Боковенко)
6	Ле-5191 (последние г.к.)	2640±25	819–799	832–792	4-я четв. VIII – 1-я четв. VII в. (по Л.С. Марсадолову; см. рис. 1.-36)

Окончание таблицы 1

№ п/п	Лаборат. № (ИИМК РАН)	¹⁴ C дата (лет тому назад) [BP]	Интервалы калиброванно- го календарного возраста (лет до н.э.) [cal. BC]		Археологическая дата сооружения объекта, века до н.э. (автор, год)
			1d	2d	
Кобяк, курган №5, могила 2					
7	Ле-5190	2470±30	770–430	770–410	Итог – VIII–V вв. (по Н.А. Боковенко)
					Комплексная: 1-я пол. VII в. (по Л.С. Марсадолу; см. рис. 16.-37)
Тигей (раскопки В.Н. Седых в 1980 г.)					
8	Ле-1880	2330±40	800–700 480–350 280–260	800–700 550–200	1-я пол. VII в. до н.э. (по: [Седых В.Н., Марсадолов Л.С., 2009, с. 109])
Новомихайловка, курган №1, мог. 3 (раскопки Н.Ю. Кузьмина в 1985 г.)					
9	Ле-4321	2350±50	520–360 270–260	800–530 300–200	III в. до н.э. (по Н.Ю. Кузьмину)
					VII в. до н.э. (по Л.С. Марса- долову; см. рис. 1.-54)
Сарагашенское озеро (раскопки С.А. Теплоухова в 1923 г.)					
10	мог. 13	UBA-7941	2562±39	810–544	Не позднее VI в. [С.А. Теплоу- хов, 1929]; IV–III вв. до н.э. (по М.П. Грязнову и М.Н. Пшеницыной)
11	мог. 14	UBA-7940	2510±53	796–417	
12	к. 1, м. 9	UBA-8790	2502±21	775–539	
13	к. 1, м. 9	UBA-7943	2421±45	753–399	Компл. м-ка: VII–VI вв. (по Л.С. Марсадолу; см. рис. 1.-57)
14	мог. 8	UBA-7497	2486±38	775–416	
Медведка-2, курганы №1–3 (раскопки Н.А. Боковенко и С.В. Красниенко в 1981 г.)					
15	к. 2, м. 1	Ле-2189	2690±40	900–800	С-14: VIII–V вв. Арх.: IV–III вв. Итог – IV в. до н.э. (по Н.А. Боковенко)
16	к. 2, м. 1	Ле-2190	2490±40	770–520	
17	к. 2, м. 2	Ле-2191	2470±40	770–430	
18	к. 2, м. 2	Ле-2193	2470±40	770–430	Компл. м-ка: VII–VI вв. (по Л.С. Марсадолу, см. рис. 1.-56, 60)
19	к. 3, м. 1	Ле-2196	2490±40	770–520	
Курган Аржан-2 в Туве (раскопки К.В. Чугунова, Г. Парцингера, А. Наглера)					
20	Ле-6260	2635±60	0–20 год. кольца		Комбинированная: 2-я пол. VII в. до н.э. [Евразия, 2005, с. 85]
21	Ле-6261	2444±50	21–30 год. кольца		
22	Ле-6567	2458±20	101–110 г. к. (из 150 г.к.)		
23	Ле-6568	2377±16	111–120 г.к.		
24	Ле-6569	2374±16	121–130 г.к.		
25	Ле-6570	2408±20	131–140 г.к.		
26	Ле-6571	2401±15	141–150 г.к. (последние)		
Памятники предшествующие БСК – Казановка-3 и Гришкин Лог-I					
Казановка-3, курган №2 (раскопки Н.А. Боковенко в 1994 г.)					
27	Ле-5391	2620±40	828–788	900–590	IX – нач. VIII в. (по Н.А. Боковенко);
28	Ле-5393	2820±100	1130–830	1260–800	2-я пол. VIII в. до н.э. (по Л.С. Марсадолу; см. рис. 1.-24)
Гришкин Лог-I, курганы №1 и 2 (раскопки С.А. Теплоухова в 1923 г.)					
29	к. 1, м. 17	UBA-7960	2539±24	796–551	VI в. до н.э. (по Г.А. Максименкову);
30	к. 2, м. 18	UBA-7935	2653±49	917–767	VIII в. до н.э. (по Л.С. Марсадолу)

Календарная дата теоретически должна совпадать с «идеальной» радиоуглеродной датой, например: 1010 г. до н.э. + 1950 г. н.э. = 2960 лет – радиоуглеродный возраст (табл. 2, колонки 1 и 4). Реальные измерения участков годичных колец по 20 лет при радиоуглеродном датировании, проведенные в разных лабораториях для создания многовековой радиоуглеродной калибровочной шкалы, показали довольно большие расхождения между полученными радиоуглеродными и календарными датами (табл. 2, колонки 2–3 и 4). Разница между «идеальной» датой (4) и реальными радиоуглеродными определениями (2–3) на разных участках может колебаться в интервале от 5 до 250 лет (табл. 2), что необходимо учитывать при общей археологической датировке отдельных объектов.

Таблица 2

Попытка объяснения расхождения между радиоуглеродными и археологическими датировками

1986 г.		1993 г.	«Идеальная» дата для С-14 (4)	Разница лет между (2–3) и (4)	Интерпретации датировок	
Годы до н.э. (1)	С-14 дата (2*)	С-14 дата (3*)			Особенности интервала дат по С-14	Археологические даты курганов
-1010	2854	2871	2960	-106 -89	«Аржанский максимум» 950–830 гг. до н.э. (С-14: 2900–2750 – стабильность радиоуглеродных датировок).	<i>Дата кургана</i> Аржан-1
-990	2815	2833	2940	-125 -107		
-970	2794	2815	2920	-126 -105		
-950	2816	2837	2900	-84 -63		
-930	2797	2815	2880	-83 -65		
-910	2761	2779	2860	-99 -81		
-890	2715	2733	2840	-125 -107		
-870	2728	2750	2820	-92 -70		
-850	2725	2743	2800	-75 -57		
-830	2683	2707	2780	-97 -73		
-810	2644	2662	2760	-116 -98	«Аржанский минимум» 830–690 гг. до н.э. – резкое «омоложение» радиоуглеродных дат. 750–400 гг. до н.э. «Гальштатское плато» – ок. 360 л. (С-14: 2450–2410; даты близки между собой по цифровому значению).	<i>Даты курганов:</i> Большой Салбыкский Аржан-2
-790	2545	2568	2740	-195 -172		
-770	2521	2538	2720	-199 -182		
-750	2442	2459	2700	-258 -241		
-730	2442	2464	2680	-238 -216		
-710	2449	2464	2660	-211 -196		
-690	2468	2475	2640	-172 -165		
-670	2505	2503	2620	-115 -11		
-650	2468	2490	2600	-132 -110		
-630	2488	2501	2580	-92 -79		
-610	2502	2519	2560	-58 -41	670–410 гг. до н.э. (С-14: 2500–2400) «Тузгинское постоянство» радиоуглеродных дат (близкое соответствие «идеальным» датам по С-14)	<i>Курган</i> Туэкта-1
-590	2478	2498	2540	-62 -42		
-570	2489	2505	2520	-31 -15		
-550	2480	2495	2500	-20 -5		
-530	2450	2466	2480	-30 -14		
-510	2422	2438	2460	-38 -22		
-490	2422	2437	2440	-18 -3		
-470	2415	2424	2420	-5 -4		
-450	2413	2430	2400	-13 -30		
-430	2424	2443	2380	-63 -44		
-410	2411	2416	2360	-51 -56		<i>Курганы</i> Пазырык-1–2 Пазырык-5
-390	2286	2313	2340	-54 -27		

* 2 и 3 – радиоуглеродные даты участков годичных колец по 20 лет для калибровочных шкал, полученные разными радиоуглеродными лабораториями в 1986 и 1993 гг.

Общей калибровочной кривой, основанной на радиоуглеродных датировках определенных участков годовых колец, как и многим природным явлениям, присуща своя ритмичность [Марсадолов, 1988, 1997б, с. 48, рис. 1; 2012; Ловелиус и др., 1996; Евразия..., 2005, с. 28, рис. 1.3; и др.]. В природе нет «идеальных» периодов и ритмов, так как существует многократное наложение друг на друга разных по своему значению, мощности и происхождению биологических, солнечных, космических, региональных и иных ритмов.

Большинству археологов знакомо введенное западно-европейскими учеными радиоуглеродное определение для периода VIII–V вв. до н.э. – «галыштатское плато», когда радиоуглеродные даты близки между собой по цифровому значению в течение длительного временного интервала. На самом деле этому радиоуглеродному подпериоду (C-14: 2450–2410), по дендро- и радиоуглеродным данным, соответствует участок радиоуглеродной кривой, на котором выделяются не менее 4–5 крупных пиков максимумов/минимумов или 9–10 более мелких пиков, входящих в состав этих более крупных ритмов [Марсадолов, 1988; 1997б, с. 48, рис. 1].

Внутри временного периода с 1010 по 390 г. до н.э. с учетом ранее полученных дендро- и радиоуглеродных датировок для археологических памятников Саяно-Алтая можно выделить ряд основных подпериодов расхождения или сходства между калибровочными радиоуглеродными датировками и «идеальными» радиоуглеродными датами (табл. 2):

- **950–830 гг. до н.э. – «аржанский максимум»** (C-14: 2900–2750), «стабильность» радиоуглеродных датировок, что относительно близко соответствует «идеальным» радиоуглеродным датам;
- **830–690 гг. до н.э. – «аржанский минимум»**, резкое «омоложение» радиоуглеродных дат (особенно с 830 по 750 г. до н.э.), что, вероятно, связано с общим ухудшением в это время природных условий на территории Евразии;
- **830–730 гг. до н.э. – «пограничье между аржанским максимумом и минимумом»**, подпериод, особо трудный для радиоуглеродно-археологической интерпретации датировок объектов, когда радиоуглеродные определения легко можно сдвинуть в сторону удревнения или омоложения абсолютных дат;
- **670–410 гг. до н.э. – «тузуктинское постоянство радиоуглеродных дат»** (C-14: 2500–2400), близкое соответствие «идеальным» радиоуглеродным датам, поэтому полученные радиоуглеродные определения можно легко переставить на любой временной участок с радиоуглеродной вероятностью 95% (фрагмент участка «галыштатского плато»).

К сожалению, при интерпретации радиоуглеродных датировок ряд археологов не учитывают две основные тенденции для временного интервала X–VII вв. до н.э. (табл. 2), названные мною «**аржанскими максимумом и минимумом**». Во время «**аржанского минимума**» наблюдается резкое «омоложение» радиоуглеродных дат, что не всегда правильно интерпретируется археологами. Например, Н.Л. Членова на основании археологических аналогий и с опорой на некалиброванные радиоуглеродные определения (в пределах $2620-2600 \pm 40$ лет) считала, что эти радиоуглеродные даты примерно соответствуют 710–630 гг. до н.э., поэтому курган Аржан-1 она датировала VII–VI вв. до н.э. [Членова, 1997, с. 37]. Использование Н.Л. Членовой некалиб-

рованных радиоуглеродных дат для кургана Аржан-1 сразу же вызвало возражение у Санкт-Петербургской группы археологов и радиоуглеродчиков (у Л.С. Марсадолова, А.Ю. Алексеева, Н.А. Боковенко, Г.И. Зайцевой, А.А. Семенцова, В.А. Дергачева и др.), которые отметили, что соответствующие им значения календарного возраста лежат на рубеже IX–VIII вв. до н.э. и не противоречат ранее полученным в Санкт-Петербурге радиоуглеродным датам для кургана Аржан-1 (см. табл. 2, в пределах 810–790 гг. до н.э.) [Марсадолов, 1997б, с. 40, 47, а также с. 79, 86].

Почти все археологи в экспедиционных условиях сталкивались с проблемой сохранности *последних годовичных колец деревянных объектов* (срубов, построек и т.п.), которые обычно сохраняются чрезвычайно плохо, даже в Южной Сибири. Во многих случаях очень тонкие по размерам последние 20–50 годовичных колец (иногда толщиной всего 1–2 см) на археологических объектах не сохраняются или рассыпаются при перевозке. Отсутствие части таких годовичных колец, как и использование в древности для сруба бревен из более старых сооружений или сухостойных поваленных деревьев из леса, может привести к искажению радиоуглеродной даты образца и общей датировки археологического объекта [Марсадолов, 1988]. Например, бревно диаметром 15–20 см может включать в себя 150–200 и более годовичных колец. Разброс радиоуглеродных определений с **950 по 750 г. до н.э.** (всего за 200 лет) охватывает радиоуглеродный интервал с 2840 по 2440, т.е. **почти 400 лет** (табл. 2). Не исключено, что именно из-за таких непростых природных явлений или недостаточно точно зафиксированного положения годовичных колец при отборе образцов на радиоуглеродное определение ранее были излишне «удревнены» археологические датировки для ряда тагарских памятников (табл. 1; рис. 1): могильник Кобяк, к. 5, м. 1; Казановка-3, к. 2; Шаман Гора, к. 1; Тигир-Тайджен-4 и др. Поэтому результаты радиоуглеродных определений с **830 по 730 г. до н.э.** (*«пограничье между аржанскими максимумом и минимумом»*) нуждаются в особом пристальном рассмотрении при радиоуглеродном датировании и должны проверяться близкими по времени археологическими аналогиями.

Полученные автором в середине 1990-х гг. дендрошкалы для БСК долгое время оставались «плавающими» во времени. После публикации дендрографиков из большого кургана Аржан-2 в Туве [Мыглан, Слюсаренко, Ойдупаа, Гаркуша, 2006; Neußner, Sljusarenko, 2010] появилась возможность его сопоставления с БСК. Дендрошкалы БСК и Аржана-2 совпали на участке протяженностью в 150 лет, а синхронизация дендрографиков из двух соседних регионов показала, что **Большой Салбыкский курган на 35 лет старше кургана Аржан-2**. Радиоуглеродные определения близких по времени участков древесины из этих курганов (Ле-5145 и Ле-6568) также синхронны между собой – около 2460±40 (табл. 1).

Археологическое датирование. В последние годы стало возможным вновь на новом уровне обобщений вернуться к рассмотрению археологической даты БСК в связи с публикациями материалов из курганов VIII–VI вв. до н.э. с территории древней Хакасии.

Археологи датируют Большой Салбыкский курган по-разному. Большинство исследователей относит этот курган к V–IV или IV–III вв. до н.э., иногда даже к I в. до н.э. – I в. н.э., но в последнее десятилетие все чаще БСК датируют VII–VI вв. до н.э. (табл. 3).

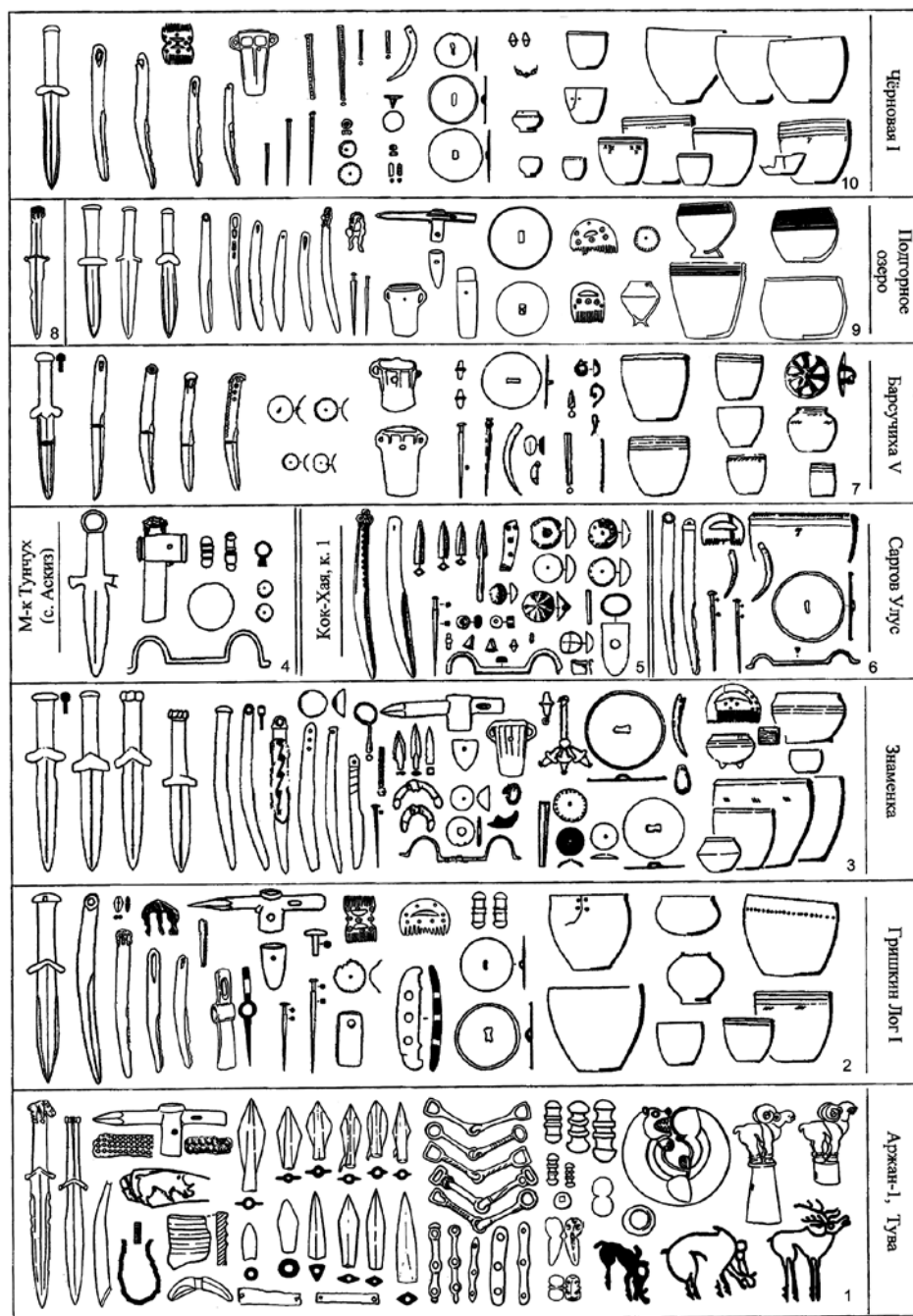

Рис. 1.1. Сопоставление предметов из археологических памятников VIII в. до н.э. из Тувы (1) и Хакасии (2–10, 8 – отдельная находка). Масштабы разные (по материалам М.П. Грязнова, М.Х. Маннай-оола (1); Г.А. Максименкова (2, 9–10); М.Л. Подольского (3); Э.А. Севастьяновой (4); Д.Г. Савинова (5); А.В. Адрианова (6); М.П. Завитухиной (7, 8). Составитель – Л.С. Марсадилов)

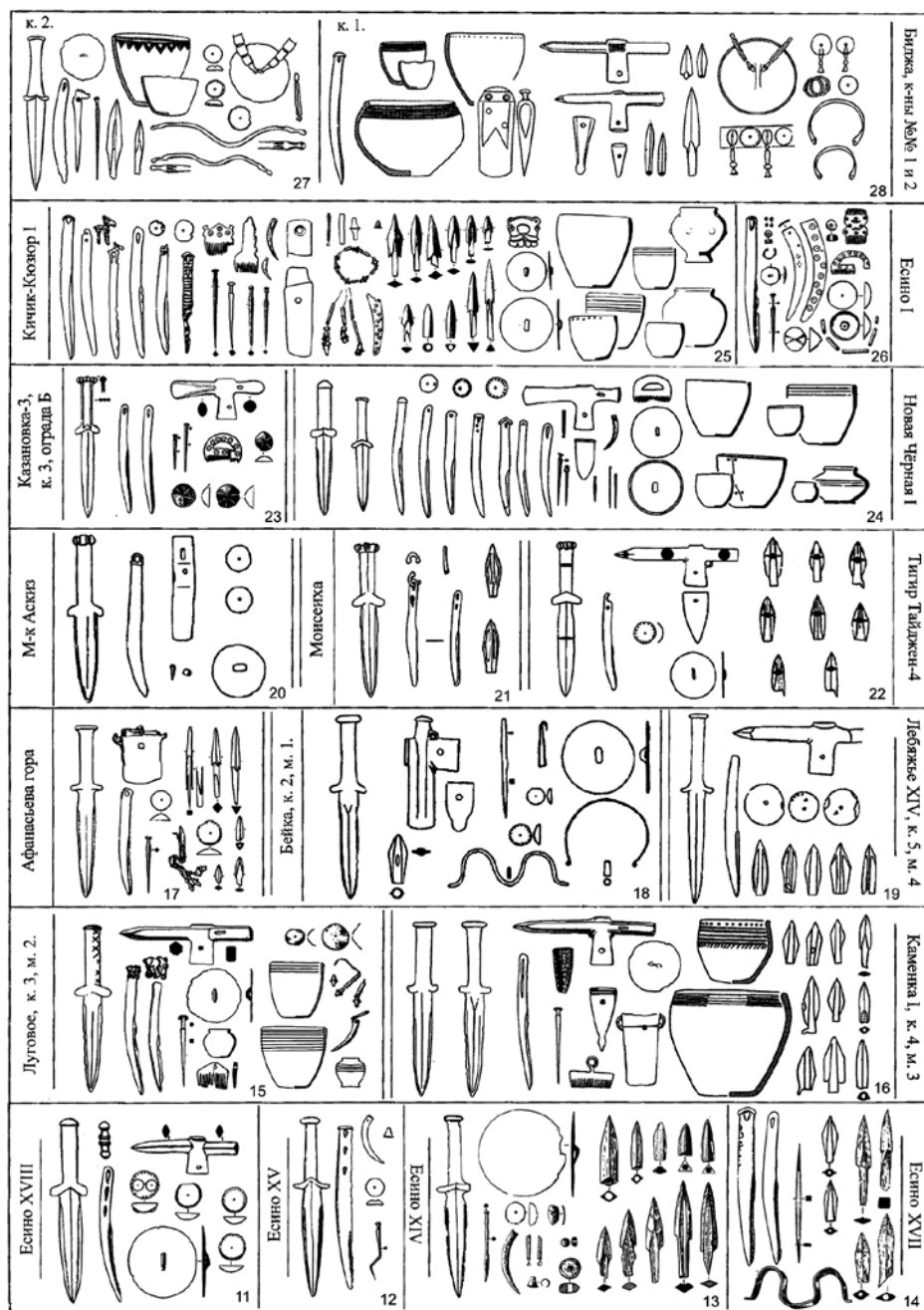

Рис. 1.2. Сопоставление предметов VIII в. до н.э. из археологических памятников тагарской культуры. Масштабы разные (по материалам Д.Г. Савинова (11–14, 26); С.В. Александрова, Е.Д. Паульса (15); Я.А. Шера (16); М.Н. Пишеницыной (17); М.Л. Подольского (18, 22); О.Л. Пламневской (19); Э.А. Севастьяновой (20); В.М. Старушенко (21); Н.А. Боковенко (23); Г.А. Максименкова (24); М.П. Завитухиной (25); А.Н. Липского (27–28). Составитель – Л.С. Марсадилов)

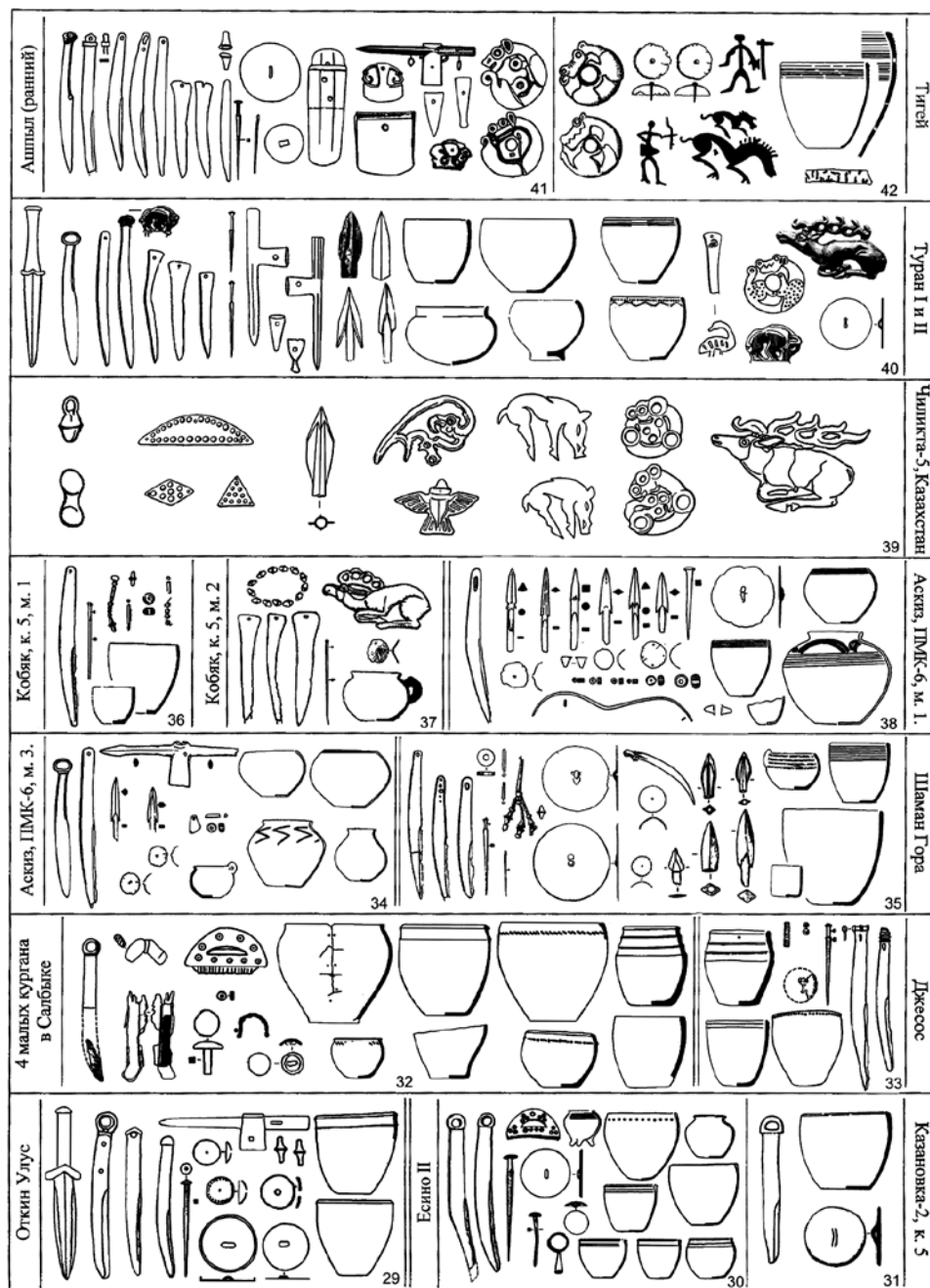

Рис. 1.3. Сопоставление предметов 2-й половины VIII – 1-й четверти VII в. до н.э. из археологических памятников тагарской культуры и Казахстана (39). Масштабы разные (по материалам В.Г. Карцева (29); Д.Г. Савинова (30); Н.А. Боковенко (31); С.В. Киселева (32); А.В. Адрианова (33); Е.Д. Паульса (34, 38); Н.А. Боковенко, Ю.А. Смирнова (35–37); С.С. Черникова (39); А.Д. Грача (40); С.Б. Гультова (41); В.Н. Седых (42). Составитель – Л.С. Марсадолов)

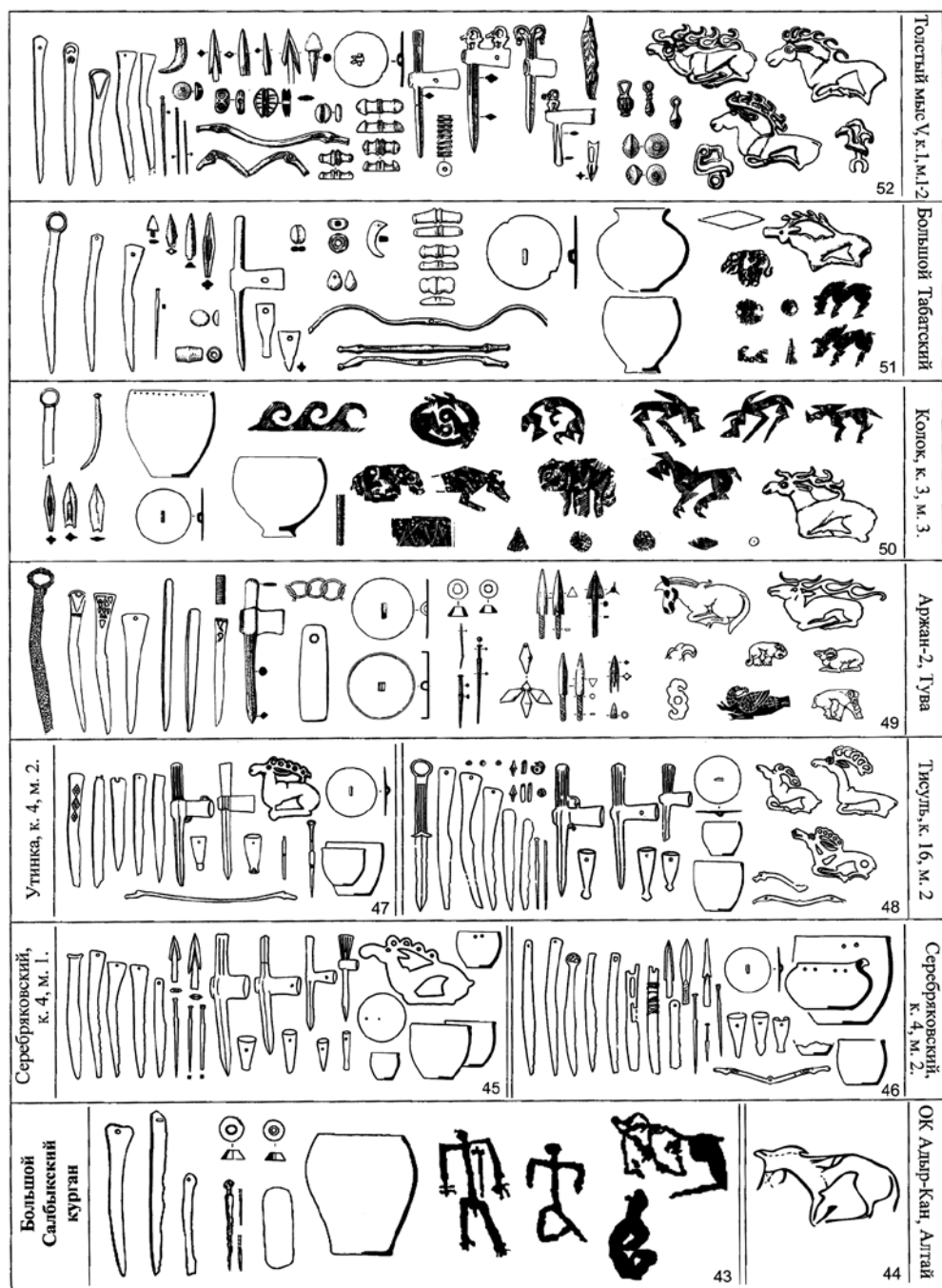

Рис. 1.4. Сопоставление предметов VII в. до н.э. из археологических памятников тагарской культуры, Алтая (44) и Тувы (49). Масштабы разные (по материалам С.В. Киселева (43); Л.С. Марсадолова (43–44); А.И. Мартынова (45–46, 48); В.В. Боброва (45–47); К.В. Чугунова, Г. Парцингера, А. Наглера (49); А.С. Полякова (50); М.Н. Пшеницыной (51); Г.Н. Курочкина (52). Составитель – Л.С. Марсадолов)

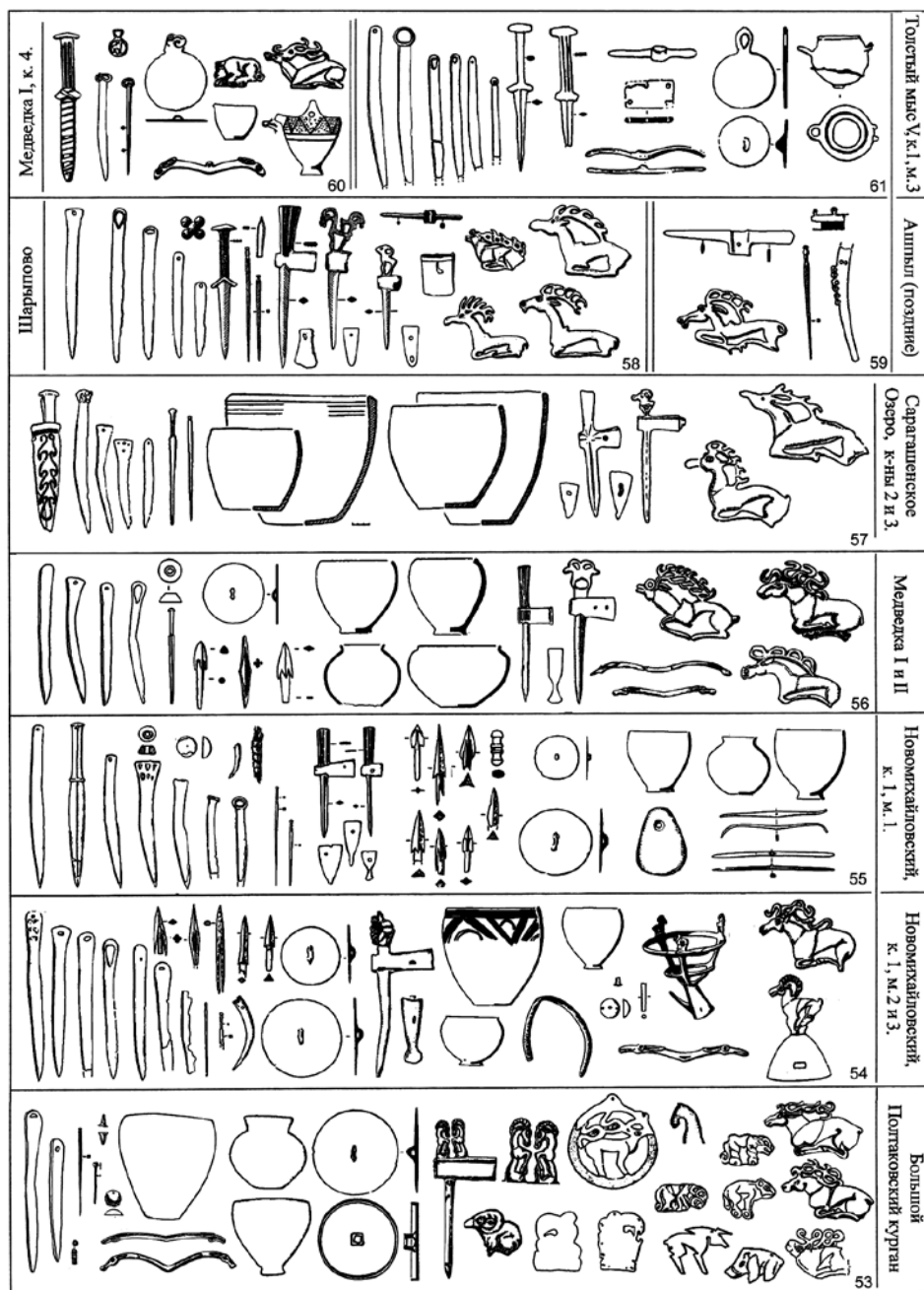

Рис. 1.5. Сопоставление предметов из археологических памятников тагарской культуры VII в. до н.э. (53–58) и VI в. до н.э. (58–61). Масштабы разные (по материалам Г.Н. Курочкина (53, 61); Н.Ю. Кузьмина (54–55); Н.А. Боковенко, В.И. Седых, С.В. Красниенко (56; 60); Д.Г. Савинова, В.И. Молодина, Н.В. Полосьмак (56); М.П. Грязнова, М.Н. Пшеницыной (57); Е.Л. Кириллова (58); С.Б. Гультова (59). Составитель – Л.С. Марсаолов)

Таблица 3

Датирование Большого Салбыкского кургана по данным разных авторов

Автор, год публикации	Метод и основа датировки	Этап	Дата (до н.э.)
С.В. Киселев [1951] (до раскопок)	археологические аналогии	вторая тагарская стадия	
С.В. Киселев, 1956 (в ходе раскопок, отчет, надпись на плите)	археологические аналогии	тагарская культура	III в.
М.П. Грязнов [1968, с. 190–191]	археологические аналогии	сарагашенский	IV–III вв.
Н.Л. Членова [1992, с. 212]	бронзовый нож с трапецевидной ручкой		V–IV вв.
Э.Б. Вадецкая [1994, с. 66]	археологические аналогии с тесинскими памятниками (ограда, нож и др.)	тесинский	не ранее II в. до н.э. и не позже I в. н.э.
Л.С. Марсадолов [1995, с. 8]	археологические аналогии	сарагашенский	V–IV вв.
Л.С. Марсадолов [1997в, с. 11]	археологические аналогии + радиоуглеродные даты		V в.
Евразия... [2005, с. 175]	радиоуглеродное датирование	сарагашенский	не позже V в. или раньше
Н.Ю. Кузьмин [2008, с. 190; 2011, с. 70]	археологические аналогии	рубеж скифского и хуннского времени	2-я половина III в.
А.Г. Акулов и Е.Д. Паульс [2008, с. 8]	тагарская курганная архитектура	Ступень С, фаза С2	VII–VI вв.
Л.С. Марсадолов [2010, с. 37]	радиоуглеродные даты	сарагашенский	1-я половина V в.
Л.С. Марсадолов [2014]	дендрохронология	БСК на 35 лет старше кургана Аржан-2 в Туве	
Л.С. Марсадолов [2014]	комплексный подход	салбыкский	1-я половина VII в.
Даты 4 малых курганов около БСК (раскопаны экспедицией С.В. Киселева в 1955 г.)			
Н.Л. Членова [1972, с. 126–129, 107–109]	археологические аналогии (переходная карасук-тагарская группа)	подкунинско-кокореvская группа	VIII–VII вв. или VIII–VI вв.
Л.С. Марсадолов [2010, с. 11]	тагарское время		
Л.С. Марсадолов [2014]	комплексный подход	салбыкский	1-я половина VII в.
Л.С. Марсадолов, 2015 (в печати)	комплексный подход	салбыкский	4-я четверть VIII в. – 1-я четверть VII в.

Из данных таблицы 3 можно отметить интересные тенденции при датировании разными археологами. Если археолог в основном изучает ранние памятники, то дата для Большого Салбыкского кургана *удревняется* (Е.Д. Паульс; А.Г. Акулов), а если более поздние курганы таштыкской или тесинской культур – датировка *омолаживается* (Э.Б. Вадецкая, Н.Ю. Кузьмин), хотя в целом в последние десятилетия наблюдается тенденция к удревнению дат подгорновского и сарагашенского этапов [Грязнов, 1980; Евразия, 2005; Лазаретов, 2007; Савинов, 2012; Чугунов, 2013 и др.].

Экспедиция С.В. Киселева обнаружила в срубе БСК обломки глиняного сосуда баночной формы большого размера (рис. 1.-43). На дне ямы, у середины западной стены сруба, найден небольшой бронзовый нож. В середине южной стены ограды, возле костра, разведенного у самых ее плит, обнаружены остатки берестяной сумочки, в которой находились бронзовые шилья с выделенной головкой, костяные проколки, бронзовая и костяная иглы. Среди плиток накладки северной части восточной стены

ограды найден большой погнутый бронзовый нож с округлым отверстием на расширяющейся кверху «трапецевидной» рукояти. Около пояса погребенного в дромосе человека были зафиксированы две бронзовые обоймы и нож [Марсадолов, 2010].

Материалы из четырех малых курганов в Салбыке, раскопанных экспедицией С.В. Киселева, отрядом С.В. Зотовой в 1955 г. (рис. 1.-32), Н.Л. Членова [1972] отнесла к переходной карасук-тагарской (подкунинско-кокоревской) группе и датировала VIII–VII или VIII–VI вв. до н.э., а БСК – V–IV вв. до н.э. (табл. 3). Предложенный большой хронологический разрыв в датах надолго задержал синхронизацию малых и большого курганов в Салбыке как *единого комплекса близких по времени объектов*.

Конструкция каменных оград большого и малых курганов в Салбыке, формы глиняных сосудов, бронзовых ножей, костяных гребней и другие признаки свидетельствуют об их временной близости в пределах полувека; о хронологическом сходстве их материалов, с одной стороны, с поздними курганами в могильниках Есино, Джосос, Кобяк (к. 5, м. 2), а, с другой – с ранними курганами из Турана, Серебряково, Тисуль, Утинки и др. (см. рис. 1).

Следует особо отметить, с одной стороны, близость изображений оленей и свернувшегося хищника из Чиликты-5 (Казахстан) и образов из курганов могильника Туран-II (к. 3, м. 2 и к. 5, м. 2), а с другой стороны, бронзовых ножей с трапецевидной рукоятью и шильев из тех же комплексов в Туране-II с близкими предметами из Большого Салбыкского кургана, где на внутренней стороне одной из плит каменной ограды также был зафиксирован наскальный рисунок в виде свернувшегося хищника с поднятой вверх головой (рис. 1.-39–40, 43; рис. 2). Вероятно, курган Чиликта-5 был сооружен ранее БСК, но разница во времени между ними – менее полстолетия.

Только сами археологи, заинтересованные в создании надежных хронологических шкал, смогут разобраться в вопросах датирования археологических памятников. Комплексный анализ независимых результатов позволяет определить «узкий» доверительный интервал для каждого кургана. На конференции, посвященной 100-летию М.П. Грязнова, в заключительной дискуссии Л.Р. Кызласов правильно отметил, что **археология – такая же точная наука, как и другие естественно-научные отрасли**. Следует добавить, что археологи все же пока еще недостаточно используют свои традиционные многочисленные методы и подходы для абсолютного и относительного датирования археологических памятников и объектов.

Хронологическими «опорными точками» для датирования и синхронизации материалов из раннетагарских памятников могут служить неоднократно проверенные разными методами даты для эталонных больших курганов соседних регионов и Хакасии:

- Аржан-1 в Туве – конец IX – 1-я половина VIII в. до н.э. [Грязнов, 1980; Марсадолов, 1985; 2000; 2004; Евразия..., 2005 и др.];
- Чиликта-5 в Казахстане – 4-я четверть VIII – 1-я четверть VII в. до н.э. [Черников, 1965; Марсадолов, 2000];
- Большой Салбыкский курган в Хакасии – 1-я половина VII в. до н.э. [Марсадолов, 2014; Акулов, Паульс, 2008];
- Аржан-2 в Туве – 2-я половина VII в. до н.э. [Евразия..., 2005; Cugunov, Parzinger, Nagler, 2010];
- Большой Полтаковский курган – 2-я половина VII в. до н.э. (рис. 1.-53) [Курочкин, 1993; Марсадолов, 2014] и другие археологические памятники (см. рис. 1).

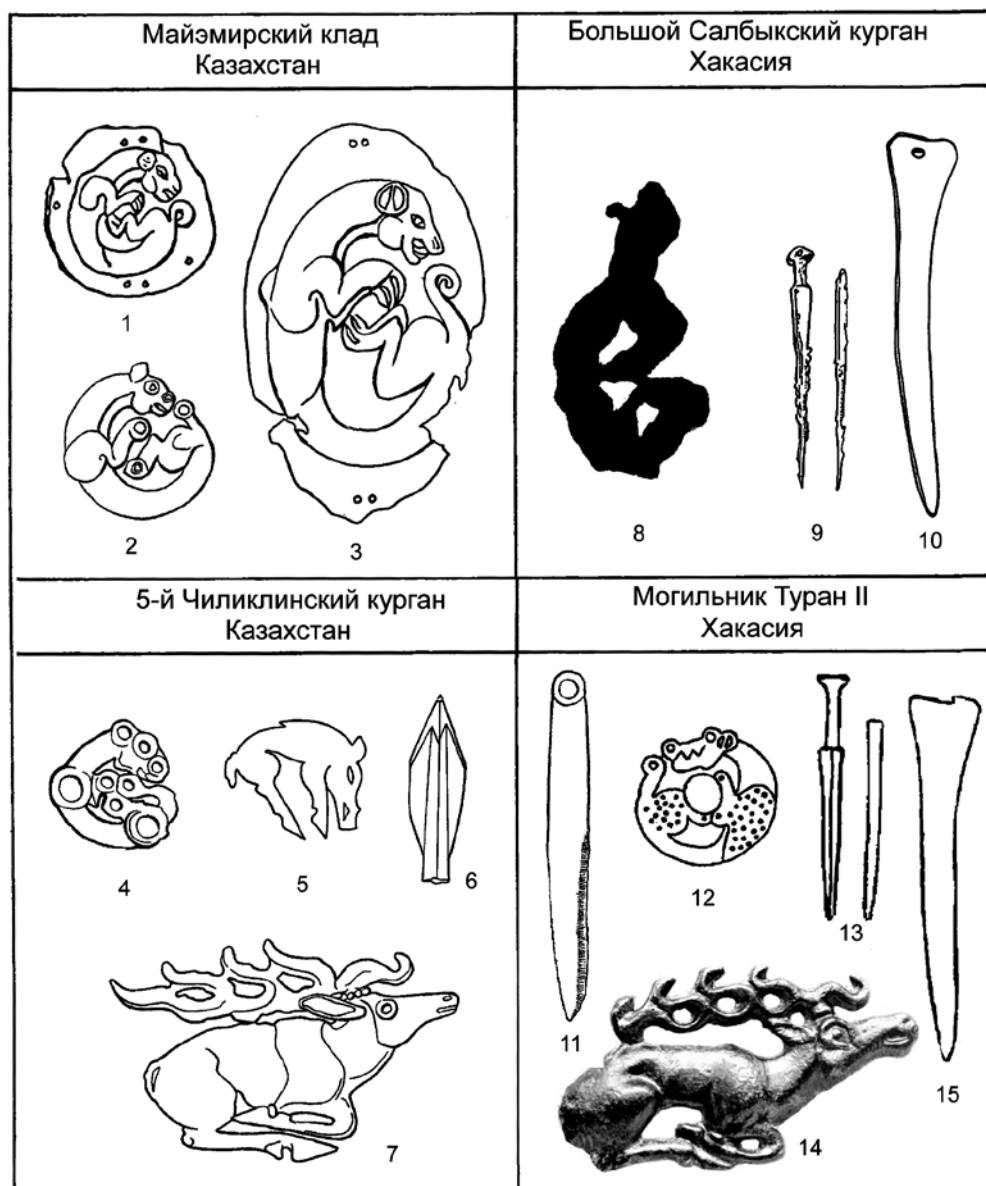

Рис. 2. Сопоставление предметов из археологических памятников

Казахстана и Хакасии 2-й половины VIII – 1-й половины VII вв. до н.э. Масштабы разные. *Памятники:* 1–3 – Майэмирский клад (2-я половина VIII в. до н.э.); 4–7 – курган Чиликта-5 (4-я четверть VIII – 1-я четверть VII в. до н.э.); 8–10 – Большой Салбыкский курган (1-я половина VII в. до н.э.); 11–15 – могильник Туран II (11–15) (1-я половина VII в. до н.э.) [11 – к. 5, м. 1; 12 – к. 5, м. 2; 13–15 – к. 3, м. 2]. *Функция предмета:* 1–5, 7, 12, 14 – бляшки; 6 – наконечник стрелы; 8 – наскальный рисунок; 9, 13 – шилья, проколки; 10–11, 15 – ножи. *Материал:* 1–5, 7 – золото; 6, 9–11, 13–15 – бронза; 8 – камень; 12 – рог? (по публикациям Л.Л. Барковой (1–3); С.С. Черникова (4–7); С.В. Киселева и Л.С. Марсадолова (8–10), из раскопок А.Д. Грача (11–15). Составитель – Л.С. Марсадолов)

По близким формам бронзовых кинжалов, ножей, шильев, костяных гребней, наконечников стрел, глиняных сосудов, украшений и изобразительным образам с учетом вышеуказанных «опорных точек» можно наметить абсолютные даты для ранних тагарских памятников, данных ниже в их относительной хронологической последовательности (см. рис. 1.1–5):

VIII в. до н.э. – Гришкин Лог I, к. 16, м. 5 [Максименков, 2003]; Знаменка, к. 8, м. 3, к. 19 [Podols'kij, 1996]; Саргов Улус; Тунчух у с. Аскиз; Лебяжье XIV, к. 5, м. 4 [Членова, 1997]; Барсучиха V, к. 5, м. I и II; к. 7 [Завитухина, 1979]; Новая Черная I, к. 14, м. 1; к. 15; Черновая I, к. 3, м. 1 [Максименков, 2003]; Каменка I, к. 4, м. 3 [Шер, Прокофьева, 1966]; Кок-Хая, к. 1 и 2 [Савинов, 2012] и др.

2-я половина VIII в. до н.э. – Есино XV, к. 1; Есино XVII, к. 1, м. 2; Есино XIV, к. 1, м. 2; Есино XVIII, к. 2, м. 2; Есино IX: к. 2, м. 1; к. 3, м. 2 [Савинов, 2012]; Знаменка, к. 21, к. 2; к. 14 [Podols'kij, 1996]; Луговое, к. 3, м. 2 [Александров, Паульс, Подольский, 2001]; Оглахты IV, п. 3 и п. 4; Моисеиха; Аскиз [Членова, 1997]; Тигир Тайджан-4; Казановка-3, к. 3, огр. Б, м. 1; Хыстаглар, к. 1, огр. Б, м. 1; Казановка-2, к. 5 [Евразия..., 2005]; Подгорное озеро: к. 8, м. 1; к. 32, м. 2; Новая Черная I, к. 9, м. 3; к. 3, м. 1; к. 4, м. 1 [Максименков, 2003]; Афанасьева гора, м. 20–22, 40 [Пшеницына, 1995]; Бейка, к. 2, м. 1 [Александров, Паульс, Подольский, 2001]; Кичик-Кюзюр I, к. 2 [Завитухина, Морозов, 2003]; Джесос; Откин улус, к. 2, 4 [Членова, 1972] и др.

4-я четверть VIII – 1-я четверть VII в. до н.э. – Ашпыл, к. 23, м. 2 [Гультов, 1983]; Шаман Гора, к. 1–3; Кобяк, к. 5, м. 1 [Боковенко, Смирнов, 1998]; Биджа, к. 1 и 2 [Липский, 1966]; Аскиз, ПМК-6, м. 3 и 1 [Александров, Паульс, Подольский, 2001]; Кадатское Поле, к. 1 и 2 [Пламеневская, 1993]; Есино I: к. 2, м. 1; к. 4, м. 2; Есино II: к. 10, м. 1; к. 20, м. 1; к. 12, м. 1; к. 15, м. 2; к. 24, м. 1; к. 17, м. 2 [Савинов, 2012]; 4 малых кургана в Салбыке [Членова, 1972; Марсадолов, 2014] и др.

1-я половина VII в. до н.э. – Тигей [Седых, Марсадолов, 2009]; Кобяк, к. 5, м. 2 [Боковенко, Смирнов, 1998]; **Большой Салбыкский курган** [Марсадолов, 2014]; Туран II, к. 3, м. 2; к. 2, м. 1; к. 5, м. 2 (раскопки А.Д. Грача, 1963–1964 гг.) и др.

VII в. до н.э. – мог-ки Туран I и II (раскопки А.Д. Грача); Серебряковский, к. 4, м. 1–2 [Мартынов, Бобров, 1971]; Тисульский, к. 16, м. 2 (Мартынов, 1972); Утинка, к. 4, м. 2 [Бобров, 1979]; Новомихайловский к. 1, м. 1–3 [Кузьмин, 1994]; Медведка I, к. 2, 5, 6 [Савинов, Молодин, Полосьмак, 1995]; Медведка II, к. 1 и 2 [Боковенко, Красниенко, 1988]; Сарагашенское озеро, к. 2 и 3 [Грязнов, Пшеницына, 1966]; Колок, к. 3, м. 3; Большой Табатский курган [Пшеницына, Поляков, 1989]; Толстый мыс V, к. 1, м. 1–2 [Курочкин, 1988] и др.

2-я половина VII в. до н.э. – Большой Полтаковский курган [Курочкин, 1993; Марсадолов, 2014] и др.

2-я половина VII – 1-я половина VI в. до н.э. – Медведка-I, к. 4 [Боковенко, Седых, Красниенко, 1983, с. 78]; Ашпыл – поздние курганы [Гультов, 1983]; Шарыпово [Кирилов, 1983] и др.

VI в. до н.э. – Толстый мыс V, к. 1, м. 3 [Курочкин, 1988] и др.

Археологические материалы из лесостепного района тагарской культуры [Мартынов, 1979] также нуждаются в новом пересмотре их датировок. Предварительно отметим, что многие курганы большепичугинского и тисульского этапов можно датировать 2-й половиной VIII – VI в. до н.э. (типа рис. 1), а назаровского этапа – V–III вв. до н.э.

Комплексная дата для Большого Салбыкского кургана – *1-я половина VII в. до н.э. (возможно, 680–670-е гг. до н.э.)* – не противоречит археологическим, дендрохронологическим и радиоуглеродным аналогиям со многих объектов Саяно-Алтая.

Разнообразные тагарские материалы свидетельствуют, что формы металлических и других изделий изменялись довольно быстро (см. рис. 1), а ранее археологи «растянули» по разным хронологическим этапам эволюционное развитие предметов на шесть столетий (VIII–III вв. до н.э.) вместо трех (VIII–VI вв. до н.э.). Полноценные, уменьшенные и миниатюрные бронзовые предметы бытовали одновременно уже в VII – 1-й половине VI в. до н.э. – Серебряково, к. 4; Шарыпово, Толстый мыс и др. (рис. 1.-45–48, 52, 58). Миниатюрные чеканы и уменьшенные кинжалы из бронзы известны и в памятниках Алтая VI в. до н.э. – Арагол, к. 5 [Марсадолов, 1997а, рис. 15: II] и др.

Еще в 1929 г. С.А. Теплоухов [1929, с. 48] считал, что предметы из минусинских курганов второго этапа (могильник у Сарагашинского озера), «имеющие аналогии в скифской и ананьинской культурах, дают возможность относить начало второго этапа не позднее как к VI в. до н.э.». М.П. Грязнов и М.Н. Пшеницына [1966, с. 68] частично опубликовали материалы из этого памятника и отметили, что Большой Салбыкский курган также «датируется второй стадией тагарской культуры, т.е. сарагашенским этапом – IV–III вв. до н.э. Только спустя десятилетия, учитывая археологические аналогии (см. рис. 1) и радиоуглеродные даты (см. табл. 2, №10–14; [Поляков, Святко, 2009]), эти сарагашенские курганы можно датировать VII в. до н.э. (рис. 1.-57).

Тагарские памятники V–III вв. до н.э., нового культурно-хронологического этапа синхронного саглынской культуре в Туве и пазырыкской на Алтае, по своему облику близки к лесостепным памятникам «назаровского» этапа [Мартынов, 1979, табл. 35], но это тема другой специальной статьи.

При определении даты нового археологического памятника следует отметить, к каким группам объектов или хорошо датированным курганам близок этот памятник, и постепенно он «утрачивается» во времени, обретет более точную дату. Приблизительно такой подход применяется при археологическом датировании античных, скифских и алтайских памятников.

Геродот при написании своей «Истории» часто использовал деление временных отрезков по поколениям правителей или отдельных личностей. Периодизацию истории скифских племен по одному-трем поколениям применил и А.Ю. Алексеев [2003].

Продолжительность смены поколений составляет от 20 до 30 лет и в среднем равна около 25 лет. Не исключено, что этот отрезок времени соответствует двум широко известным у народов Востока 12-летним полупериодам или одному полному периоду в 24 года, слагаемому из двух разных по своей полярности 12-летних. Корреляция таких признаков, как пол, возраст, антропологический тип мужчин и женщин, со временем сооружения каждого кургана позволяет выделить не менее трех поколений вождей в Пазырыке, погребенных в пяти больших курганах за период в 48–49 лет [Марсадолов, 2000].

По 2–3 поколениям, с выделением салбыкской фазы, были классифицированы и погребальные памятники тагарской культуры [Акулов, Паульс, 2008].

Следует отметить, что ранее археологи правильно отметили долгое бытование предметов из бронзы у «тагарцев» и позднее появление, по сравнению с другими регионами, изделий из железа, что свидетельствует о мощных центрах добычи и об-

работки бронзы на Енисее. Если в VIII в. до н.э. в *индивидуальные могилы* помещали *полноценное оружие и предметы* из бронзы, то в *коллективных погребениях* с VII в. до н.э. появились сначала *уменьшенные, а затем миниатюрные предметы*. Гораздо легче и практичнее изготовить не очень качественные уменьшенные копии предметов из бронзы, чем положить в коллективный склеп весьма ценимые и немногочисленные в раннетагарское время железные, а также полноценные бронзовые предметы вооружения и быта.

В настоящее время необходимы полные публикации материалов раскопанных археологами тагарских могильников Ашпыл, Туран, Сарагаш, Медведка, Шарыпово, Толстый мыс и многих других. Тогда можно будет произвести более детальное хронологическое сопоставление деталей обряда, конструктивных особенностей каменных оград, антропологического состава погребенных, развитие форм изделий, что позволит определить их процентное соотношение в каждом из курганов, памятников и на разных этапах, выявить изменяющиеся во времени предметы вооружения, быта, украшений и стили «сакрального искусства», что будет способствовать более глубокому изучению влияний и роли различных этносов на каждом из этапов, а также поиску связей между локальными группами объектов в близких и удаленных районах и регионах, решению многих дискуссионных проблем.

Салбыкский этап в древней истории Хакасии

Подводя итоги изучению хронологии ранних памятников тагарской культуры, необходимо отметить, что среди археологов пока нет единой точки зрения на время ее становления и завершения. Одни и те же археологические памятники определяют по разным этапам. Как было отмечено выше (табл. 3), даже Большой Салбыкский курган археологи относят либо к *подгорновскому* (VII–VI вв. до н.э. – А.Г. Акулов и Е.Д. Паульс), либо к *сарагашенскому* (V–III вв. до н.э. – большинство исследователей) или даже к *тесинскому* (III в. до н.э. – I в. н.э. – Э.Б. Вадецкая, Н.Ю. Кузьмин) этапам тагарской культуры.

В каждой из хронологических схем, начиная с Г.Ф. Миллера, В.В. Радлова, С.А. Теплоухова, С.В. Киселева, М.П. Грязнова и до современности, есть свои положительные моменты, до сих пор учитываемые многими специалистами. По мере накопления новых материалов, изучения ярких объектов и глубоких теоретических обобщений в археологии Южной Сибири уже неоднократно происходила корректировка сложившихся схем.

С.В. Киселев переименовал «минусинскую курганную культуру» С.А. Теплоухова в «тагарскую». В связи с новыми раскопками больших и средних курганов в Туве вместо крупной «уюкской» культуры (по Л.Р. Кызласову) или «казылганской» (по С.И. Вайнштейну) археологи все чаще употребляют названия двух культур или этапов – «аржанской» и «саглынской», по наиболее значимым эталонным памятникам, изученным М.П. Грязновым и А.Д. Грачем. Памятники майэмирского этапа (по М.П. Грязнову), расположенные на территории Северного, Центрального и Южного Алтая, в 1999 г. А.А. Тишкин и Ю.Ф. Кирюшин определили в особую бийкенскую археологическую культуру [Тишкин, 2011].

Не исключено, что со временем значение раскопанного С.В. Киселевым Большого Салбыкского кургана – самого огромного и выдающегося мегалитического памятника тагарской культуры и Сибири – будет закреплено за *салбыкским культурно-хронологическим этапом*. На уровне современных знаний, с помощью

комплексного подхода к тагарским памятникам и с учетом дат «ключевых» объектов из других регионов, *салбыкский культурно-хронологический этап можно датировать VIII–VI вв. до н.э., а БСК – I-й половиной VII в. до н.э., что снимает проблему особого пути развития тагарской культуры.*

Археологи уже пришли к выводу, что на раннем этапе преобладали индивидуальные захоронения в каменных ящиках, но постепенно увеличилось число коллективных захоронений в деревянных камерах [Грязнов, 1968; Субботин, 2001 и др.]. Монумен- тальность курганной «архитектуры» сформировалась в раннетагарское время, достигла своего пика в Салбыке и постепенно угасла к концу таштыкской эпохи [Вадецкая, 1986, 1999; Акулов, Паульс, 2008; Савинов, 2009, 2012; Кузьмин, 2011; и др.].

Следует отметить, что, вероятно, подражание захоронениям в больших курганах правителей и знати (типа БСК), необходимость экономии средств и трудовых ресурсов при сооружении монументальных каменных оград и деревянных срубов, не только у рядовых, но и у зажиточных кочевников, довольно быстро у ранних «тагарцев» (на рубеже VIII–VII вв. до н.э.) привели к переходу от индивидуальных к семейным (известным еще с карасукского времени и ранее), а позднее – к коллективным погребениям вначале в одной каменной ограде, а затем в одной яме и срубе, к созданию многократно используемых родовых склепов, к замене уменьшенными и миниатюр- ными копиями полноценных предметов. Массовое производство предметов, предна- значенных специально для погребений, довольно быстро во 2-й половине салбыкского этапа привело к схематизации и деградации при изображении сакральных образов оленя, козла, барана (Толстый мыс, Сарагаш, Медведка, Тисуль и др.; рис. 1). Из- вестно большое число вариантов погребальных конструкций VIII–VI вв. до н.э., что прослеживается и в рядовых курганах рядом с БСК – одиночные погребения в ямах, каменных ящиках, деревянном срубе (как в индивидуальных каменных оградах, так и разных типов погребений внутри одной ограды и т.д.).

Не подгорновской или сарагашенской, а салбыкской группе родственных се- мей и племен принадлежала реальная власть в центральной части древней Хакасии. Локальные и хронологические пласты рядовых и средних курганов в Баиново, Под- горново, Сарагаше значительно уступают Салбыку не только по размерам камен- ной ограды (например, Сарагаш – 19 x 15 м, 10 стел, а БСК – 71 x 71 м, 23 стелы), но и по вкладу в развитие материальной и духовной культуры «тагарцев». В окрестно- стях Салбыка (с радиусом до 50 км) находится огромный пласт нераскопанных боль- ших и средних курганов, самый многочисленный в Хакасии, что подтверждает тезис о сильной концентрации тагарской группировки племен именно в этом районе.

Большие и средние курганы типа Тигей, Узун-Оба, Сафроново можно считать предшественниками огромных Салбыкских курганов [Грязнов, 1968; Вадецкая, 1994; Акулов, Паульс, 2008; Седых, Марсадолов, 2009; Марсадолов, 2010; и др.]. В Сафро- ново, Тигее, Баргаяково, как и в Салбыке, юго-восточный камень ограды был самым массивным по объему в кургане. В разных размерах этих курганов, очевидно, отражен особый сложный социальный статус погребенных в структуре раннетагарского обще- ства. Целый пласт раскопанных больших и средних тагарских курганов VII в. до н.э. (к сожалению, неоднократно ограбленных) – Большой Салбыкский, Тигей, Кара-Кур- ген, Колок, Табат, Большой Полтаковский, Новая Михайловка, и еще более обширный круг нераскопанных больших курганов в окрестностях Салбыка свидетельствуют

о существовании в древней Хакасии сильного регионального союза племен, одного из самых многочисленных среди народов в Южной Сибири и Евразии.

Заключение

Основные конструктивные и сакральные особенности Большого Салбыкского кургана (частично сформировавшиеся и в предсалбыкское время): обширная деревянная камера-сруб (как жилище для мертвых – семьи или позднее для рода), покрытие бревен водонепроницаемой берестой, накат-пирамида из бревен над срубом, дополнительный вход-дромос для подзахоронений с западной стороны, сложная монументальная каменная ограда и пирамидообразная насыпь, захоронение сопровождающей собаки и многие другие сакральные и архитектурные детали, доведенные до совершенства, стали эталоном для последующих погребальных сооружений более чем на тысячу лет не только для тагарской, но и для таштыкской культуры и позднее [Марсадов, 2010, 2011].

В целом салбыкский период в Хакасии продолжался с VIII по VI в. до н.э., а традиции культуры «салбыкцев» уходят как в более ранние, так и более поздние исторические периоды.

Библиографический список

- Акулов А.Г., Паульс Е.Д. К изучению тагарской курганной архитектуры // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. II. С. 5–8.
- Александров С.В., Паульс Е.Д., Подольский М.Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб. : б/и, 2001. 100 с.
- Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Баркова Л.Л. Золотые пластины с изображением свернувшейся пантеры из Майэмира // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1983. Вып. 24. С. 2–31.
- Бобров В.В. Тагарский курган на оз. Утинка // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск : Наука, 1979. С. 170–181.
- Боковенко Н.А. Древние культуры Казахстана и Енисея во 2–1 тыс. до н.э.: к проблеме контактов // Вопросы археологии Казахстана. Алматы : Хикари, 2011. Вып. 3. С. 308–313.
- Боковенко Н.А., Красниенко С.В. Могильник Медведка II // Памятники археологии в зоне мелiorации Южной Сибири. Л. : Наука, 1988. С. 23–45.
- Боковенко Н.А., Седых В.Н., Красниенко С.В. Некоторые итоги изучения памятников тагарской культуры на юге Хакасии // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л. : Наука, 1983. С. 75–81.
- Боковенко Н.А., Смирнов Ю.А. Археологические памятники долины Белого Июса на Севере Хакасии. Археологические изыскания. СПб. : ИИМК РАН, 1998. Вып. 59. 94 с.
- Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб. : Инфо ОЛ, 2010. 231 с.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 179 с.
- Вадецкая Э.Б. Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новоселовский (версии о курганах вождей тагарских племен) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб. : б/и, 1994. С. 62–69.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 438 с. (Archaeologica Petropolitana, VII).
- Грязнов М.П. Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Древняя Сибирь : в 5 т. Л. : Наука, 1968. Т. I. С. 187–196.
- Грязнов М.П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1980. С. 3–6.
- Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 63 с.

- Грязнов М.П., Пшеницына М.Н. Курганы IV–III вв. до н.э. на оз. Сарагаш // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 62–69.
- Гультов С.Б. Некоторые вопросы внутренней хронологии могильника Ашпыл // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л. : Наука, 1983. С. 58–64.
- Завитухина М.П. Раннетагарский могильник Барсучиха V // Труды Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1979. Т. XX. С. 68–86.
- Завитухина М.П., Морозов С.В. Тагарский могильник Кичик Кюзюр-I в Хакасии (по раскопкам 1965–1966 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. Вып. 36. С. 100–116.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / под ред. Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексеева, К.В. Чугунова, Е.М. Скотт. СПб. : Теза, 2005. 290 с. : 173 ил.
- Ермолова Н.М., Марков Ю.Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л. : Наука, 1983. С. 95–97.
- Кириллов Е.Л. Раскопки тагарского кургана в г. Шарыпово // Древние культуры Евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л. : Наука, 1983. С. 61–64.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
- Киселев С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М., 1956. С. 56–58.
- Клейн Л.С. Время в археологии. СПб. : Евразия, 2014. 384 с.
- Кузьмин Н.Ю. Курганы элиты тагарского общества // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб. : Б.и., 1994. С. 127–138.
- Кузьмин Н. Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. Астана : Изд. группа ПЦК РК, 2008. С. 187–204.
- Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея. Тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.
- Курочкин Г.Н. Тагарские курганы в зоне Новоселовской оросительной системы // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. По материалам раскопок 1980–1984 гг. Л. : Наука, 1988. С. 5–22.
- Курочкин Г.Н. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб. : Петербургкомстат, 1993. 44 с. + 50 рис.
- Лазаретов И.П. Памятники байновского типа и тагарская культура // Археологические вести. М. : Наука. 2007. Вып. 14. С. 93–105.
- Липский А.Н. Археологические раскопки в Хакасии // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 116–129.
- Ловелиус Н.В., Васильев С.С., Дергачев В.А., Захариева Е.И., Марсадолов Л.С. Археология ритмов – основа перекрестного датирования археологических памятников // Радиоуглерод и археология. СПб. : Теза, 1996. Вып. 1. С. 39–48.
- Максименков Г.А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 432 с.
- Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
- Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1988. Вып. 29. С. 65–81.
- Марсадолов Л.С. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1994 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1995. С. 8–9.
- Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб. : ТОО «Вичи», 1996. 100 с.
- Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа. СПб. : Com Mark Nord, 1997a. Вып. 1. 56 с.

Марсадолов Л.С. Проблемы уточнения абсолютной хронологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Радиоуглерод и археология. СПб. : ИИМК РАН, 1997б. Вып. 2. С. 45–51.

Марсадолов Л.С. Работы Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1996 году // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа за 1996 год. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1997в. С. 11–13.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : автореф. дис. ... д-ра культуры. СПб., 2000. 56 с.

Марсадолов Л.С. О дате Майэмирского «клада» на Западном Алтае // Клады. Состав, хронология, интерпретация. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2002. С. 217–221.

Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар : ООО «Фирма НСС», 2004. С. 69–85.

Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан : Хакасское книжное изд-во, 2010. 128 с.

Марсадолов Л.С. Наследие Большого Салбыкского кургана в культуре Хакасии // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан : ООО ИЦ «Академия», 2011. Вып. 1. Номер 1 (01). С. 4–12.

Марсадолов Л.С. 12-, 60-, 120-, 300-, 1200-, 3000-, 6000- и 12000-летние периоды в природе и обществе // Научное наследие Л.Н. Гумилева: истоки, проблемы восприятия. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2012. С. 72–82.

Марсадолов Л.С. Даты Большого Салбыкского кургана и этапа в Хакасии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. II. С. 211–217.

Мартынов А.И. Тисульские курганы тагарской культуры // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово : б/и, 1972. Вып. 4. 238 с.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука СО, 1979. 208 с.

Мартынов А.И., Бобров В.В. Серебряковский могильник // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово : Томь, 1971. Вып. 3. 132 с. + 118 табл.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. Т. I. 607 с.

Мыглан В.О., Слюсаренко И.Ю., Ойдупаа О.Ч., Гаркуша Ю.Н. Царский курган Аржан-2 в Туве: дендрохронологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4. С. 130–138.

Пламеневская О.Л. Погребальный обряд могильника Кадатское поле // Археология Средней Азии, Сибири и Кавказа. КСИА. М., 1993. Вып. 209. С. 75–82.

Поляков А.В., Святко С.В. Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (неолит-начало железного века) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 20–56.

Пшеницына М.Н. Раннетагарские погребения в могильнике Афанасьева гора на Енисее // Южная Сибирь в древности. СПб. : б/и, 1995. С. 118–125.

Пшеницына М.Н., Поляков А.С. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии // Археологические исследования на новостройках. КСИА. М., 1989. Вып. 196. С. 58–66.

Радлов В.В. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. Отдельный оттиск из VII тома Записок Императорского Русского Археологического Общества. СПб., 1896. 70 с.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. 204 с.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 226 с.

Савинов Д.Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб. : ЭлекСис, 2012. 180 с.

Савинов Д.Г., Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Медведка I – могильник сарагашенского этапа на юге Хакасии // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. СПб. : ИИМК РАН, 1995. Вып. 24. С. 126–135.

Седых В.Н., Марсадолов Л.С. О возможных прототипах тагарских бронзовых наверший // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 101–110.

Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 140 с.

Субботин А.В. Динамика развитой тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 24 с.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 256 с.

Тишкин А.А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // «Тегга Scythica». Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. М. : Наука, 1965. 188 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 300 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М. : Наука, 1972. 248 с.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 206–224.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М. : б/и, 1997. 98 с.

Чугунов К.В. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3 (23). С. 97–102.

Шер Я.А., Прокофьева А.М. Каменка-I – могильник начала тагарской культуры на Енисее (предварительное сообщение) // Археологические памятники раннего железного века. КСИА. 1966. №107. С. 57–61.

Chugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaeologie in Eurasien. Band 26. Mainz, 2010. 330 S., 289 Abb., 153 Taf.

Heußner K.-U., Sljusarenko I. Die Dendrochronologie // Cugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Arzan 2 in Tuva. Archaeologie in Eurasien. Band 26. Mainz, 2010. P. 178–182.

Podol'skij M.L. Early tagar barrows near the village of Znamenka in Khakassia // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. V. III. 1. Leiden ; New York, 1996. P. 61–96.

L.S. Marsadolov

SALBYK'S CULTURAL AND CHRONOLOGICAL STAGE IN THE HISTORY OF ANCIENT KHAKASSIA

Several generations of scientists have passed a difficult 300-year way of studying the Southern Siberia archaeological monuments – from objects' excavation, primary classification of objects by material, allocation of archaeological cultures to the monument date identification with the help of non-archaeological methods. The first mound in Siberia was excavated by D.G. Messerschmidt's initiative with the scientific purpose in January 1722. Scientists used to return to the problems of archaeological materials' systematization on a new level of generalization.

Dates of archaeological Khakassia's monuments were specified for the last 40 years by different methods – archaeological, radiocarbon and tree-ring chronology. A considerable amount of big barrows in the Salbyk's vicinities gives evidence in favor of tagar's tribes concentration in this area. The Salbyk's period in Khakassia proceeded from 8 to 6 century B.C., but the traditions of this culture go back to the later historical periods.

Keywords: Khakassia, chronology, Tagar's culture, radiocarbon, tree-ring chronology, barrows, elite, common burials.